

Домолчаться до Слова

В поэтический сборник Зинаиды Миркиной «По Божьему следу» вошли стихи 2011-2013 годов. Книга состоит из шести разделов: «Над спором наших слов», «Припомнить тайную всецелость», «Я знаю, вы перемолчите все крики наши», «Простор души неизмерим», «Только тот, кто сможет не отвлечься», «Ликованье – это знанье о Тебе». Названия разделов говорят сами за себя. Они же являются своеобразными эпиграфами частей книги.

Источник, из которого черпает Зинаида Миркина внутреннюю тишину и силу для своих стихов бездонен. Но, что бы стоять рядом с ним, нужно умереть для самого себя, для всего неподлинного в самом себе. Если ты хоть что-то наносное, поверхностное в себе не изжил, то обязательно отбросишь тень на источник и замутнишь его. До конца не преображенная душа должна вдохновляться чем-то внешним, чтобы сложить стихотворение, а преображенная стремится как можно полнее замолчать. Через молчание и приходят стихи из последней глубины, как перевод с Божественного языка на человеческий. Любимый Миркиной Рабиндранат Тагор написал: «Я погрузил сосуд моего сердца в молчание этого часа, и он наполнился песнями». Домолчаться до Слова – такова задача поэзии. Религиозный опыт и подлинная поэзия неразлучны. Часто поэт начинает говорить прежде, чем ему есть что сказать, в надежде, что кривая вывезет, и, действительно, порою вывозит. Но тогда творчество становится не глубоким внутренним изменением всего состава твоей личности, а ловлей броского образа, поиск которого порою заменяет собой духовный труд.

Полоска облака седая

И блеск рассветного огня...

Я красотой не наслаждаюсь –
Она вторгается в меня.
Какое счастье! Боль какая!
Внутри отворяющийся вход.
Она меня пересекает
И душу пересоздает.

Блеск рассветного огня не нужно улавливать и присваивать для того, чтобы написать стихотворение, все что нужно это слиться с ним или бескорыстно пропустить его через свое сердце. Бог присутствует в каждом стихе Миркиной как глубокое и ровное горение души.

Сегодня бродила я в Царствии Божьем –
Там все как у нас, только проще и строже.
Там все как у нас, только чище и выше,
Прозрачней и глубже, светлее и тише.
Да, все это здесь, среди нас, в нашем мире,
Вот там, где раскрылись бескрайние шири,
Вот там, где душа, точно небо, большая.
Вот там, где я Богу уже не мешаю.

Мне не раз доводилось сталкиваться с распространенным мнением – «либо Бог, либо стихи». Если стихотворение превратится в молитву и будет стремиться только к этому, то искусство закончится. Исполдволь Бог в поэзии присутствует, но Он не называется. Подобный взгляд доминирует в интеллектуальной среде, и многие творческие люди хотели бы видеть литературный горизонт именно таким – очищенным от претенциозных, тяжеловесных символов. Да, такие символы и вправду не нужны. Имя Бога

нельзя произносить всуе. А если не всуе? А если мы входим в мир, в котором суеты вообще нет? Или такого не бывает?

Читателем приветствуются неуловимые состояния души, смена настроений, остроумие и озорство, страстные излияния, то окрашенные в inferнальные тона, то сдобренные скепсисом и иронией. Собственно, подобная поэзия и является зеркалом души современного человека. И так, я думаю, было всегда. И всегда была поэзия совершенно иная, требующая преобразования. Она как бы отбрасывала все лишнее, и сосредотачивалась на сердцевине человека, на его бессмертной сути. Но разве для бессмертной сути не отведено места? Разве не религия ею занимается? Вот так исподволь и произошло разделение между так называемой светской поэзией и так называемой духовной, а, значит - между душой и духом. Трудно было бы придумать большее кощунство и в отношении Бога, и в отношении поэтического слова. Всем своим творчеством Миркина восстает против подобного разделения. Она часто повторяет изречение, услышанное от покойного художника Владимира Казьмина. «Каждое здание стремится стать храмом, каждая картина – иконой, каждое стихотворение – молитвой». Человеческий рассудок всегда режет по-живому, а дух всегда соединяет и дарует новую жизнь неделимому целому. Религия так же опирается на глубокий поэтический слой сознания, как искусство на океан духовности, который невозможно раз и навсегда заключить в какую-либо форму. Форма, пусть даже самая прекрасная, чревата кумиротворчеством и обрядоверием. И именно поэзия, подлинная поэзия, препятствует торжеству обрядоверия.

Христос воскрес!

- Не верите? - Не надо.

Неверью вашему наперерез

Он пересек густую тяжесть ада, -

Как свет взошел, вот как Христос воскрес.

Неочевиден. Доказательств нету.
Всем доказательствам не верю я.
Я верю в сердце вторгшемуся свету
Сквозь всю тоску, сквозь мрак небытия.
Мрак был тогда, он длится и поныне.
Свидетелей победы не зови.
Я верю только по одной причине:
По жгучей беспричинности любви.
Я верую в таинственное пламя –
В ничем не угасимые сердца.
В не то, что Он воскрес перед глазами,
А в то, что в мире нет Ему конца.
Не в точно установленные даты,
Явления, дела былых времен;
Не в то, что Он из гроба встал когда-то,
А в то, что Воскресенье –
это Он.

Истины глубочайшие, светоносные каждый раз открываются заново, как каждое утро заново встает солнце. То, что всегда есть, нельзя заучить и повторять. Его нужно каждый раз заново родить, участвовать в вечном рождении. И это может сделать только поэзия, окунаящаяся в беспредельность незримого духа и вылавливающая оттуда зримые образы. Рассудок боится беспредельности духа и пытается защитить себя неопровержимыми доказательствами существования материального мира, признав его единственно возможным, как это сделал марксизм, а вслед за ним и фрейдизм. И ровно с тем же азартом рассудок пытается защитить себя неопровержимыми доказательствами существования Божественной реальности, которая должна почему-то нарушать законы материального мира, почти автоматически отменять их. Рассудку надо бы замолчать перед

великой тайной, умалиться в ее присутствии, а он все говорит и говорит, приводит резоны, доказательства, неоспоримые преимущества, бесконечно ссылаясь на чужой духовный опыт.

Не надо никаких известий.
Смысл одинокого пути –
Под деревом жизни, с деревом вместе
В молчанье медленно расти
Куда-то в небосвод просторный,
В разлив немой голубизны
И знать лишь то, что знают корни,
И ничего со стороны.

Миркина черпает свой духовный опыт от корней. Ее поэзия это разговор с Богом напрямую со всей честностью и со всем трепетом - одно без другого невозможно. Разговор без расшаркиваний и заискивания, без раболепства и самоуничужения, которые свойственны душе лишь начинающей преодолевать свою дремучесть. Но для души взрослой и прозрачной нет Бога отдельного от нее. Можно говорить об уникальности духовного опыта Зинаиды Миркиной, но разве не уникален всякий действительно глубокий духовный опыт, разве он может быть иным?

Благодарю Тебя, мой Боже,
За этот светоносный взгляд.
Не Ты все наши муки множишь.
Не Ты в страданиях виноват.
Я от Тебя чудес не чаю –
Сама перед тобой в долгу,

Сама, так значит – отвечаю,
Сама, так значит - я могу.
Недолгий срок нам всем отпущен.
Нас сдует ветер, как листья.
Но это сердце всемогуще
Затем, что в нем сокрылся Ты.

И разве не удивительно? Строители и гробокопатели коммунизма с вежливой настороженностью, а иногда и с открытой враждебностью относились к творчеству Зинаиды Александровны – о каком Боге она все время говорит? Наш ли это человек? Но постсоветская эпоха, в которой религия победила окончательно и бесповоротно, с не меньшей подозрительностью относится к духовным поискам Миркиной. О каком Боге она все время говорит? Наш ли это Бог? Православный ли? Эпохи сменяют друг друга. Мир изменчив. Незыблемым остается одиноко прочерченный путь мудреца.

Я знаю множество воцерковленных людей, которые тянутся к стихам Миркиной и всею душой принимают их. Среди них есть монахи и монахини. То, что пишет и говорит автор книги «По Божьему следу» не идет в разрез с Христовым духом, напротив, оно помогает полнее пережить Встречу с Ним. Пережить на такой глубине, которая страшит человека, подсознательно ищущего интеллектуального комфорта и стремящегося к духовному довольству.

Да, есть земля и россыпь звезд.
Есть я и Ты – моя вершина.
Когда ж войду в свой полный рост,
Двоих не станет – мы едины.

Тот, кто обрел подобное единство, ставит под сомнение все остановившиеся в своем внутреннем развитии духовные авторитеты, и позволяет нам сделать глоток такого чистого воздуха, без которого, кажется, невозможна и сама жизнь, не то что поиски ее смысла.